Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-360-367
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ТИМАШКОВА Е.В.,
доцент кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск,
e-mail: timashkova.lenochka@mail.ru

ДЕГТЯРЕВА С.В.,
преподаватель кафедры административной деятельности ОВД, Воронежский институт МВД России,
e-mail: DegtarevSw@yandex.ru

ГИБРИДНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Аннотация. *Статья посвящена анализу феномена гибридной радикализации обучающихся – процесса, в котором онлайн- и офлайн-факторы формируют экстремистские установки во взаимосвязи, а не последовательно. На основе анализа российского законодательства о противодействии экстремистской деятельности, судебной практики о признании движения «Колумбайн» террористической организацией и статистических данных о нападениях на образовательные организации автор приходит к выводу, что действующая правовая рамка не в полной мере учитывает гибридный характер радикализации. Обосновывается необходимость разработки правовых механизмов, учитывающих непрерывность процесса «онлайн – офлайн» и роль цифровых платформ как инфраструктуры радикализации. Проведён сравнительно-правовой анализ опыта Европейского союза.*

Ключевые слова: *экстремизм, гибридная радикализация, скулшутинг, «Колумбайн», цифровая среда, профилактика, обучающиеся, несовершеннолетние, правовое регулирование.*

Для цитирования: *Тимашкова Е. В., Дегтярева С. В. Гибридная радикализация обучающихся: правовые аспекты противодействия в условиях цифровой среды // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 360–367.*

TIMASHKOVA E.V.,
Associate Professor at the Department of Criminal Law Southwestern State University, Russia, Kursk

DEGTYAREVA S.V.,
Lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

HYBRID RADICALIZATION OF STUDENTS: LEGAL ASPECTS OF INTERACTION IN A DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *The article analyzes the phenomenon of hybrid radicalisation of students – a process in which online and offline factors form extremist attitudes in an interrelated rather than sequential manner. Based on an analysis of Russian legislation on countering extremist activity, judicial practice on recognising the «Columbine» movement as a terrorist organisation, and statistical data on attacks on educational institutions, the author concludes that the current legal framework does not fully account for the hybrid nature of radicalisation. The necessity of developing legal mechanisms that consider the continuity of the «online – offline» process and the role of digital platforms as radicalisation infrastructure is substantiated. A comparative legal analysis of the European Union experience.*

Key words: *extremism, hybrid radicalisation, school shooting, Columbine, digital environment, prevention, students, minors, legal regulation.*

For citation: *Timashkova E. V., Degtyareva S. V. Hybrid radicalization of students: legal aspects of interaction in a digital environment. Russian scientific bulletin. 2026;(11):360–367. (In Russ.).*

Феномен радикализации молодёжи перестал быть предметом исключительно психологии или криминологии. Он приобрёл выраженное правовое измерение, что нашло отражение в российском законодательстве о противодействии экстремистской деятельности. Вместе с тем интенсивность нормотворчества не тождественна эффективности регулирования. В работе исследуется вопрос о том, в какой степени действующая правовая рамка учитывает реальные механизмы вовлечения обучающихся в экстремистскую деятельность.

Автор исходит из гипотезы о том, что феномен радикализации обучающихся носит гибридный характер: онлайн- и офлайн-факторы действуют не последовательно, а во взаимосвязи, формируя непрерывный процесс, который не различает цифровую и физическую среду. Действующее законодательство, однако, построено на дихотомии «онлайн – офлайн», что создаёт пробелы в правовом реагировании.

Цель исследования – выявить системные дефекты правового регулирования противодействия гибридной радикализации обучающихся и определить направления их устранения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

Определить правовое содержание понятий «экстремизм» и «радикализация» применительно к смешанным формам.

Проанализировать судебную практику признания движения «Колумбайн» террористической организацией.

Установить масштаб проблемы на основе статистических данных.

Провести сравнительно-правовой анализ опыта Европейского союза.

Выявить пробелы правового регулирования.

Сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Научная новизна заключается в следующем: обосновывается необходимость введения в правовой оборот категории «гибридная радикализация» как основания для дифференциации правовых механизмов профилактики; предлагается систематизация правовой рамки противодействия скулшутингу с учётом комбинированного характера радикализации.

Проблема радикализации в образовательной среде традиционно исследуется в двух плоскостях: психологической (механизмы вовлечения, мотивация, групповая динамика) и криминологической (факторы риска, профилирование, профилактика). Зарубежная исследовательская литература оперирует понятием «гибридная» или «дуальная» радикализация – процесс, в котором онлайн- и офлайн-компоненты переплетаются, а не сменяют друг друга [14, с. 76]. Исследователи подчёркивают, что онлайн-контент часто обеспечивает первый контакт и нормализует экстремистские нарративы, однако дальнейшее углубление происходит офлайн – через личные связи, групповую динамику, символические действия [14, с. 78]. Радикализация, таким образом, не является линейным процессом; она возникает из сложного взаимодействия индивидуальных потребностей, идеологического контента и социальных сетей.

Эмпирическое обоснование гибридного характера радикализации представлено в исследовании Дж. Кеньона, Дж. Биндера и К. Бейкер-Болла, проанализировавших 235 осуждённых террористов: 113 (48%) классифицированы как «гибридный» тип (онлайн и офлайн), 93 (40%) – как офлайн-тип, 29 (12%) – как онлайн-тип [14, с. 80]. Данные подтверждают, что чисто онлайн-радикализация представляет собой относительно редкое явление; преобладает смешанная модель.

В российской правовой литературе проблематика противодействия экстремизму в образовательной среде представлена преимущественно анализом норм Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Комплексные исследования, учитывающие гибридный характер радикализации и институциональные изменения 2022–2026 годов (признание движения «Колумбайн» террористической организацией, введение ст. 10.2-1 и 10.2-2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ, принятие Федерального закона от 31.07.2023 № 408-ФЗ), освещены фрагментарно.

Методологическую основу исследования составили: формально-юридический метод – для анализа нормативных правовых актов; сравнительно-правовой метод – для сопоставления российских и европейских механизмов; метод анализа судебной практики – для выявления подходов судов к квалификации скулшутинга; системный подход – для оценки механизмов во взаимосвязи онлайн- и офлайн-факторов. Ограничения исследования связаны с различиями в методологиях учёта статистических данных различных ведомств (МВД России, СК России, ФСБ России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации), что обусловливает расхождения в абсолютных цифрах.

Конституция Российской Федерации закрепляет основы правового регулирования про-

тиводействия экстремистской деятельности [1], а Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ определяет экстремизм через перечень деяний, включая возбуждение розни, пропаганду исключительности или нарушение прав по признаку социальной группы. Закон охватывает не только насильственные действия, но и распространение экстремистских материалов [5].

Административная ответственность предусмотрена ст. 20.3 КоАП РФ (демонстрация экстремистской символики), ст. 20.3.1 КоАП РФ (возбуждение ненависти либо вражды) и ст. 20.29 КоАП РФ (распространение экстремистских материалов) [3]. Повторное нарушение по ст. 20.3.1 КоАП РФ влечёт уголовную ответственность по ст. 282 УК РФ [2]. Законодательство не содержит категории «радикализация» как процесса. Закон закрепляет перечень деяний, однако не определяет механизмы их формирования. Это создаёт пробел: правовое регулирование ориентировано на пресечение уже совершённых деяний, а не на предупреждение процесса вовлечения. Если радикализация носит смешанный характер, то механизмы, ориентированные только на цифровую среду (блокировка) или только на физическую (профилактика), не могут быть эффективными в отдельности.

Показательным примером гибридной радикализации является международное молодёжное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг»). Под скулшутингом (от англ. school shooting) в настоящей работе понимается запланированное вооружённое нападение на обучающихся или сотрудников образовательной организации. В российском праве легальная дефиниция данного понятия отсутствует; рабочее определение используется в настоящей статье для обозначения соответствующего круга деяний.

2 февраля 2022 года решением Верховного Суда Российской Федерации по делу № АКПИ21-1059С международное молодёжное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг») признано террористической организацией [9]. Решение переводит скулшутинг в категорию террористической деятельности, что влечёт применение ст. 205.5 УК РФ (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации) и ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности, включая вербовку) [2]. Возраст уголовной ответственности по ст. 205.5 УК РФ – 16 лет. Вместе с тем Федеральным законом от 17.11.2025 № 420-ФЗ статья 205.1 УК РФ включена в перечень составов, ответственность за которые наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) [2]. Таким образом, за содействие террористической деятельности (включая вербовку) уголовная ответственность наступает с 14 лет.

Правоприменительная практика подтверждает это: Кассационным определением ВС РФ от 20.06.2024 № 222-УД24-33-А6 оставлен без изменения приговор, которым Галашина М.Ю. признана виновной по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ [10]. Однако признание организации террористической не решает задачу предотвращения вовлечения. Исследования подтверждают, что радикализация происходит в комбинированном пространстве: онлайн-сообщества обеспечивают идеологию, а офлайн-среда (буллинг, изоляция) – мотивацию [14, p. 82].

Статистические данные свидетельствуют о тенденции к росту числа нападений на образовательные организации, однако их сопоставление затруднено из-за различий в методологии ведомственного учёта. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 году было выявлено 13 фактов подготовки нападений на образовательные организации, из которых 11 пресечены правоохранительными органами [22].

Данные за 2025 год демонстрируют расхождения в зависимости от ведомственного источника. Так, по сведениям МВД России, в 2025 году зафиксировано 11 нападений на образовательные организации в девяти регионах России [24]; по данным СК России, озвученным Председателем СК России А.И. Бастрыкиным на Петербургском международном юридическом форуме в июне 2026 года, – 6 нападений, 18 случаев приготовления к ним и 31 случай участия несовершеннолетних в деятельности международного молодёжного движения «Колумбайн» [16]. По данным МВД России, в 2025 году в 15 регионах предотвращено 21 нападение на учащихся и преподавателей; возраст лиц, готовивших нападения, снизился до 10 лет [18]. Генеральная прокуратура Российской Федерации сообщает о 49 пресечённых нападениях в 29 регионах [25].

Статистика за 2026 год (январь – июль) демонстрирует динамику по мере накопления данных. По данным МВД России, к 20 мая 2026 года число предотвращённых нападений возросло до 52 в 29 регионах [19]. Национальный антитеррористический комитет (НАК) сообщает о 37 предотвращённых нападениях на образовательные учреждения с начала 2026 года [17]. По данным Совета Безопасности Российской Федерации, в 2025/2026 учебном году (с сентября 2025 года по май 2026 года) зафиксировано 26 вооружённых нападений учащихся на образовательные учреждения, из которых 21 – в течение 2026 года [20]. СК России в первом полугодии 2026 года возбудил восемь уголовных дел по фактам совершённых нападений [16]. По данным МВД

России, выявлено семь фактов оправдания деятельности движения «Колумбайн»; возраст лиц, вовлечённых в указанную деятельность, – от 11 лет, преимущественно 14–15 лет [19].

По данным НАК, в 2025 году было заблокировано более 170 тыс. фото- и видеоматериалов террористического содержания, что свидетельствует о масштабах распространения запрещённого контента в цифровой среде [17].

По сведениям Совета Безопасности Российской Федерации за первое полугодие 2026 года, число выявленных несовершеннолетних, преступивших уголовный закон, составило 11,4 тыс., что на 9% превышает аналогичный показатель прошлого года (10,5 тыс. лиц); число подростков, совершивших уголовно наказуемые деяния террористического характера, увеличилось с 88 до 196 [20].

Приведённые данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, проблема нападений на образовательные организации сохраняет устойчивый характер на протяжении 2024–2026 годов. Во-вторых, наблюдается рост числа выявленных несовершеннолетних правонарушителей, в том числе совершивших преступления террористической направленности. В-третьих, различия в методологиях учёта МВД России, СК России, ФСБ России, Совета Безопасности Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации не позволяют говорить о единой количественной динамике; корректная интерпретация возможна лишь применительно к каждому ведомственному источнику в отдельности.

Регламент (ЕС) 2021/784. Обязывает платформы удалять террористический контент в течение одного часа после получения соответствующего предписания. Размер санкций определяется национальным законодательством государств-членов; Регламент требует, чтобы они были эффективными, соразмерными и сдерживающими. Предусматривается сочетание онлайн-мер с офлайн-стратегиями дерадикализации [11].

Digital Services Act (Регламент (ЕС) 2022/2065). Обязывает крупные платформы (Very Large Online Platforms, VLOP) ежегодно оценивать риски радикализации несовершеннолетних и анализировать влияние алгоритмов рекомендаций. За систематические нарушения предусмотрен штраф до 6% годового мирового оборота [12].

Code of Conduct+. Обновлен 20.01.2025. Объединяет 12 платформ; обязывает рассматривать не менее двух третей уведомлений о языке вражды (hate speech) в течение 24 часов [13].

EU Knowledge Hub. Запущен 17 июня 2024 года. Ориентирован на интеграцию исследовательских данных и практических рекомендаций по профилактике радикализации [21].

Анализ выявляет шесть системных пробелов, препятствующих противодействию гибридной радикализации обучающихся:

Отсутствие категории «гибридная радикализация». Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ определяет экстремизм через перечень деяний, но не описывает процесс их формирования [5]. Регулирование ориентировано на пресечение совершённых правонарушений, а не на предупреждение вовлечения. Ни один субъект профилактики не наделён полномочиями выявлять и сопровождать лиц на ранних стадиях радикализации, когда онлайн- и офлайн-факторы лишь начинают взаимодействовать. Без процессуальной категории правовое реагирование стартует только после достижения радикализацией стадии уголовно наказуемого деяния.

Разрыв между онлайн- и офлайн-регулированием. Контроль цифрового пространства относится к компетенции Роскомнадзора, координация профилактики в образовательных организациях – Министерства просвещения [4]. Единый механизм обмена информацией нормативно не закреплён: Роскомнадзор не передаёт сведения о выявленном экстремистском контенте в образовательные организации, а те не информируют надзорный орган о признаках радикализации в офлайн-среде. При взаимосвязанном действии онлайн- и офлайн-факторов этот разрыв снижает эффективность изолированных мер.

Возрастные пороги уголовной ответственности. По ст. 20 УК РФ ответственность за наиболее тяжкие преступления наступает с 14 лет, за большинство экстремистских деяний – с 16 лет [2]. Данные МВД России фиксируют среди привлечённых за нападения на образовательные учреждения детей 10–11 лет [18, 19], что указывает на необходимость правового реагирования ранее порога ответственности. В этом возрасте механизмы ограничены профилактикой по Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ, не обеспечивающей адекватного ответа на ранние стадии вовлечения. Возникает правовой вакуум: несовершеннолетний уже подвергается радикализирующему воздействию, но ни один субъект не обязан принимать меры правового характера.

Отсутствие регулирования алгоритмов рекомендательных систем. Статья 10.2-2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ обязывает операторов раскрывать информацию о рекомендательных технологиях, но не выявлять и блокировать контент, способствующий радикализации [4, 8]. Алгоритмы формируют «эхо-камеры», многократно усиливающие экстремистские нарративы и ускоряющие радикализацию. Алгоритмическая рекомендация не рассматривается как самостоятельный объект регулирования, вследствие

чего один из ключевых механизмов гибридной радикализации остаётся вне правового контроля.

Отсутствие федерального межведомственного алгоритма. На региональном уровне такие механизмы созданы: в Белгородской области действует проект «Безопасное детство» – мониторинг социальных сетей, реестр несовершеннолетних «группы риска», алгоритм действий при выявлении негативного контента экстремистско-радикальной направленности; проект охватывает 434 образовательные организации в 22 муниципалитетах [15]. На федеральном уровне единый порядок взаимодействия образовательных организаций, органов внутренних дел, Роскомнадзора и иных ведомств не утверждён, что обусловливает неравномерное применение профилактических мер: их эффективность зависит от инициативы регионов, а не от единых правовых стандартов.

Отсутствие проактивных обязанностей провайдеров хостинга. Статья 10.2-1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ обязывает провайдеров уведомлять Роскомнадзор о начале деятельности, идентифицировать клиентов и взаимодействовать с государственной информационной системой противодействия правонарушениям [4]. Провайдер исполняет предписания об удалении запрещённой информации, но не обязан самостоятельно выявлять контент с признаками вербовки в террористическую или экстремистскую деятельность. Между тем именно провайдеры хостинга технически способны пресечь распространение вербовочного контента на стадии размещения, до массового потребления несовершеннолетними. Уголовное преследование владельцев платформ, не удаляющих террористический контент, – в частности, обвинение основателя Telegram П. Дурова по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ за неисполнение требований об удалении каналов, используемых для вербовки и координации терактов [23], – демонстрирует реактивный подход: ответственность наступает post factum, а не предотвращает подготовку. По данным ФСБ России, через чат-бот в Telegram завербованы 46 граждан в возрасте от 12 до 22 лет [23], что подтверждает роль цифровых платформ как инфраструктуры радикализации несовершеннолетних. Отсутствие проактивной обязанности выявлять и блокировать вербовочный контент до предписания оставляет один из ключевых каналов радикализации вне системного правового контроля.

Результаты анализа позволяют выделить пять направлений совершенствования законодательства:

Расширение понятийного аппарата закона путём закрепления определения гибридной радикализации как процесса взаимосвязанного и непрерывного формирования экстремистских установок под воздействием онлайн- и офлайн-факторов, что создаст основу для дифференциации профилактических мер с учётом специфики вовлечения. Это позволит выявлять лиц на ранних стадиях, когда уголовно наказуемый результат ещё предотвратим, и применять меры, соразмерные комбинированному характеру воздействия, а также обеспечит правовую базу межведомственного взаимодействия на всех этапах – от первичного выявления до индивидуального сопровождения [5].

Закрепление обязательного информирования в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Дополнение закона нормой об обязанности руководителей образовательных организаций незамедлительно уведомлять территориальные органы внутренних дел о признаках радикализации обучающихся [7, 15] устранит разрыв между онлайн- и офлайн-регулированием: образовательная организация при обнаружении поведенческих маркеров (изменение поведения, интерес к экстремистской символике, изоляция) станет первичным звеном информационной цепи. Жизнеспособность такого алгоритма подтверждает региональный проект «Безопасное детство» (Белгородская область), включающий механизм действий при выявлении негативного контента и межведомственные соглашения [15]; федеральная инкорпорация обеспечит единообразие правоприменения.

Внесение изменений в ст. 10.2-2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ предполагает возложение на операторов социальных сетей и информационных платформ обязанности выявлять и оперативно удалять контент, способствующий радикализации несовершеннолетних, а также ограничивать работу рекомендательных алгоритмов в отношении несовершеннолетних пользователей [4, 11]. Действующее регулирование охватывает технологии в целом, но не рассматривает алгоритмическую рекомендацию как самостоятельный фактор радикализации. Осуществимость подобного подхода подтверждает практика ЕС: Регламент (ЕС) 2021/784 устанавливает часовой срок удаления террористического контента, Digital Services Act обязывает крупные платформы ежегодно оценивать риски радикализации несовершеннолетних [11, 12]. Адаптация предполагает градуированные обязанности в зависимости от размера платформы и аудитории. Отдельного упоминания заслуживает доклад UNICEF «Защита детей в онлайн-играх: снижение рисков организованного насилия» (2025), фиксирующий игровые платформы как ключевую инфраструктуру радикализации – экстремистские группы используют внутриигровые чаты, голосовые каналы и сообщества для нормализации насилия и вер-

бовки [26]. Рекомендации UNICEF включают интеграцию механизмов предотвращения онлайн-насилия в национальные системы защиты детей, обновление правовых рамок с прямым указанием на игровые платформы и внедрение принципа «безопасности по дизайну» (safety-by-design), что согласуется с предлагаемой моделью градуированных обязанностей [26].

В рамках Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ предлагается закрепить обязательные коррекционно-воспитательные программы для детей 8–15 лет с выявленными признаками радикализации, а также ответственность родителей за ненадлежащий контроль цифрового контента, потребляемого ребёнком [6]. Действующие механизмы в этом возрастном диапазоне ограничены мягкой профилактикой без обязательного характера. Программы должны сочетать психологическое сопровождение с контролем цифровой среды и реализовываться на межведомственной основе с участием образования, внутренних дел и социальных служб.

Изменения в ст. 10.2-1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ возлагают на провайдеров хостинга обязанность выявлять контент с признаками вербовки в террористическую или экстремистскую деятельность с применением автоматизированного мониторинга [4, 11]. Действующее право обязывает реагировать на предписания, но не требует проактивного выявления. В регулировании ЕС проактивная логика реализована в Digital Services Act (оценка рисков радикализации крупными платформами), тогда как Регламент (ЕС) 2021/784 закрепляет реактивный механизм – удаление террористического контента в течение часа по предписанию и хранение данных шесть месяцев для расследования [11, 12]. Адаптация в российском праве возможна через градуированные обязанности: от автоматизированного скрининга для крупных провайдеров до усиленной модерации для малого и среднего сегмента. Целесообразно освободить провайдеров от ответственности за контент, выявленный и удалённый до предписания уполномоченного органа, что создаст стимул для проактивного мониторинга.

Проведённый анализ показывает, что радикализация обучающихся представляет собой гибридный процесс, в котором онлайн- и офлайн-факторы действуют во взаимосвязи, а не сменяют друг друга. Из этого следует, что противодействие такому процессу не может строиться на разрозненных мерах – результативен только комплексный подход, учитывающий непрерывность взаимодействия цифровой и физической среды. Действующее законодательство, прежде всего Федеральный закон № 114-ФЗ и Уголовный кодекс РФ, ориентировано на пресечение уже совершённых деяний и не ставит задачу профилактики самого процесса вовлечения. Признание движения «Колумбайн» террористической организацией [9] позволило криминализировать участие в нём, однако задачу предотвращения вовлечения это решение не снимает.

Ведомственная статистика на протяжении 2024–2026 годов устойчиво фиксирует сохранение проблемы и рост числа выявленных несовершеннолетних правонарушителей. Вместе с тем различия в методологиях учёта не позволяют говорить о единой количественной динамике: данные МВД России, СК России, ФСБ России, Совета Безопасности и Генеральной прокуратуры сопоставимы лишь внутри каждого ведомства [16, 17, 18, 19, 20].

Анализ выявляет несколько узловых пробелов. Прежде всего, в праве отсутствует само понятие «гибридная радикализация», что не позволяет дифференцировать профилактические механизмы. Сохраняется разрыв в возрасте ответственности: дети 8–15 лет уже подвергаются радикализирующему воздействию, тогда как правовые механизмы реагирования на этих стадиях ограничены мерами профилактики, не имеющими обязательного характера. Цифровые платформы не несут обязанностей по выявлению радикализирующего контента, а провайдеры хостинга – проактивных обязанностей по выявлению вербовочного контента. Для решения данных проблем необходимо ввести категорию «гибридная радикализация» в Федеральный закон № 114-ФЗ, закрепить межведомственные алгоритмы информирования в Федеральном законе № 273-ФЗ, усилить ответственность платформ и родителей, установить проактивные обязанности провайдеров хостинга. Опыт Европейского союза – Digital Services Act, Регламент 2021/784, Code of Conduct+ – и рекомендации UNICEF подтверждают эффективность интеграции онлайн- и офлайн-мер в единую правовую рамку.

Показателен в этом отношении кейс применения ст. 205.1 УК РФ к владельцам платформ, не удаляющим террористический контент [23]. Он демонстрирует реактивный характер правового реагирования: ответственность наступает после наступления последствий. Превентивное регулирование на уровне хостинга способно сместить правовое реагирование на более раннюю стадию. Вербовка 46 граждан в возрасте от 12 до 22 лет через чат-бот в Telegram [23] подтверждает, что без проактивных обязанностей платформ один из ключевых каналов радикализации несовершеннолетних остаётся вне системного правового контроля.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации

(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[5] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[6] Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

[7] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

[8] Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6133.

[9] Решение Верховного Суда РФ от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С о признании международного молодёжного движения «Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг») террористической организацией // Карточка производства Верховного Суда РФ.

[10] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.06.2024 № 222-УД24-33-А6 // Справочно-правовая система (СПС) «КонсультантПлюс».

[11] Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal of the European Union. L 172. 17.05.2021. P. 79–109.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 19.10.2022.

[13] Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online+ (updated 20.01.2025) // European Commission.

[14] Kenyon J., Binder J., Baker-Beall C. Online radicalization: Profile and risk analysis of individuals convicted of extremist offences // Legal and Criminological Psychology. 2023. Vol. 28, Issue 1. P. 74–90.

[15] Проект «Безопасное детство»: опыт Белгородской области по предупреждению негативных проявлений среди детей и молодёжи // Сборник информационно-методических материалов / Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодёжи «Движение первых». – М., 2024.

[16] Бастрыкин: в России в 2025 году зафиксировали 6 нападений на образовательные учреждения, 18 случаев приготовления и 31 факт участия в «Колумбайне» // ТАСС. 2026. 25 июня.

[17] НАК сообщил о предотвращении 37 нападений на образовательные учреждения с начала года // Интерфакс. 2026. 14 апреля.

[18] Колокольцев: в 2025 году в России предотвращено 21 нападение школьников // ТАСС. 2026. 4 марта.

[19] Богданов: с начала 2026 года предотвращено 52 нападения на учебные организации в 29 регионах // ТАСС. 2026. 20 мая.

[20] Комментарий аппарата Совета Безопасности о преступности несовершеннолетних // Совет Безопасности Российской Федерации. 2026. 13 июля.

[21] EU Knowledge Hub on Prevention of Radicalisation (launched 17.06.2024) // European Commission.

[22] Кудряшов: в 2024 году пресечено 11 из 13 готовившихся нападений на образовательные учреждения // Коммерсантъ. 2025. 15 мая.

[23] ФСБ предъявила основателю Telegram П. Дурову обвинение в содействии террористической деятельности // Российская газета. 2026. 29 июля.

[24] В МВД описали типичный портрет нападавших на школы подростков // Парламентская газета. 2026. 20 мая.

[25] Генпрокурор Гуцан: в 2025 году предотвращено 49 нападений на объекты образования в 29 регионах // РТ на русском. 2026. 15 апреля.

[26] Lamphere-Englund G. Protecting Children in Online Gaming: Mitigating Risks from Organized Violence. UNICEF Innocenti Working Paper. 2025. URL: https://www.unicef.org/innocenti/reports/protecting-children-online-gaming..

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal

information. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[3] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (rev. dated 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 1.

[4] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended by 29.12.2025) "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3448.

[5] Federal Law of 25.07.2002 No. 114-FZ (as amended by 27.10.2025) "On Countering Extremist Activities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031.

[6] Federal Law No. 24.06.1999 of 120-FZ (ed. 04.08.2026) "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.

[7] Federal Law No. 29.12.2012 of 273-FZ (as amended by 04.08.2026) "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Art. 7598.

[8] Federal Law of 31.07.2023 No. 408-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 32 (part I). Art. 6133.

[9] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.02.2022 No. AKPI21-1059C on the recognition of the Columbine international youth movement (another name used is Schoolshuting) as a terrorist organization // Card of the Supreme Court of the Russian Federation.

[10] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.06.2024 No. 222-UD24-33-A6 // ConsultantPlus Reference Legal System (ATP).

[11] Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal of the European Union. L 172. 17.05.2021. P. 79–109.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 19.10.2022.

[13] Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online+ (updated 20.01.2025) // European Commission.

[14] Kenyon J., Binder J., Baker-Beall C. Online radicalization: Profile and risk analysis of individuals convicted of extremist offences // Legal and Criminological Psychology. 2023. Vol. 28, Issue 1. P. 74–90.

[15] Project "Safe Childhood": the experience of the Belgorod region in preventing negative manifestations among children and youth // Collection of information and methodological materials / All-Russian social and state movement of children and youth "Movement of the first." - M., 2024.

[16] Bastrykin: in Russia in 2025, 6 attacks on educational institutions, 18 cases of preparation and 31 facts of participation in Columbine were recorded // TASS. 2026. June 25.

[17] NAC reported the prevention of 37 attacks on educational institutions since the beginning of the year // Interfax. 2026. April 14.

[18] Kolokoltsev: in 2025, 21 attacks by schoolchildren were prevented in Russia // TASS. 2026. March 4.

[19] Bogdanov: 52 attacks on educational organizations in 29 regions have been prevented since the beginning of 2026 // TASS. 2026. May 20.

[20] Commentary of the Security Council apparatus on juvenile delinquency // Security Council of the Russian Federation. 2026. July 13.

[21] EU Knowledge Hub on Prevention of Radicalisation (launched 17.06.2024) // European Commission.

[22] Kudryashov: in 2024, 11 out of 13 prepared attacks on educational institutions were suppressed // Kommersant. 2025. May 15.

[23] The FSB has charged the founder of Telegram P. Durov with facilitating terrorist activities // Rossiyskaya Gazeta. 2026. July 29.

[24] The Ministry of Internal Affairs described a typical portrait of teenagers attacking schools // Parlamentskaya Gazeta. 2026. May 20.

[25] Prosecutor General Gutsan: in 2025, 49 attacks on educational facilities in 29 regions were prevented // RT in Russian. 2026. April 15.

[26] Lamphere-Englund G. Protecting Children in Online Gaming: Mitigating Risks from Organized Violence. UNICEF Innocenti Working Paper. 2025. URL: https://www.unicef.org/innocenti/reports/protecting-children-online-gaming..